

Чагинская Елена Алексеевна, Верещагина Ангелина Васильевна

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А. Ф. ЛОСЕВА И ВОЗМОЖНОСТЯХ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/65.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 176-182. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список литературы

1. Арбузова А. И. Предупреждение ошибок в употреблении форм вида и времени глагола в письменной речи учащихся VI-VIII классов // Русский язык в школе. 1971. № 5. С. 28-32.
2. Бережков С. Г. Важнейший радел практической стилистики // Русский язык в школе. 1937. № 4. С. 14-29.
3. Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. М., 1992. 512 с.
4. Жинкин Н. И. Развитие письменной речи учащихся III-VII классов // Психология усвоения грамматики, орфографии и развития письменной речи: труды института психологии. М., 1956. Вып. 78. С. 141-250.
5. Карпов И. В. Психологические основы методики развития речи учащихся // Развитие речи в процессе обучения в средней школе / под ред. В. В. Голубкова и Э. И. Монозона. М., 1954. С. 7-86.
6. Комисарова Л. П. Типичные ошибки в сочинениях учащихся: в помощь поступающим в высшие учебные заведения / Л. П. Комисарова, В. И. Собинникова, Н. К. Соколова, К. М. Фетисова. Воронеж, 1960. 28 с.
7. Требуховская Л. В. О причинах речевых ошибок в согласовании причастий с определяемым словом // Вопросы изучения русского языка в школе: сб. трудов. М., 1976. С. 55-66.
8. Чижова Т. И. Грамматико-стилистические упражнения при изучении порядка слов в простом предложении // Преподавание грамматики в школе: сб. науч. раб. Л., 1974. С. 64-85.

УДК 81'37

Елена Алексеевна Чагинская, Ангелина Васильевна Верещагина
Московский государственный лингвистический университет

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А. Ф. ЛОСЕВА
И ВОЗМОЖНОСТЯХ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ©

Академик Ю. С. Степанов о лингвофилософском трактате А. Ф. Лосева «Философия имени» пишет так: «Учение Алексея Федоровича Лосева (...) является семантическим учением об имени и охватывает все главные семантические назначения имени - от именованя вещи, через сигнификацию “эйдоса”, “идеи” и “логоса” (понятия), вплоть до слова как формы символа и мифа. В этом смысле у Лосева идет речь о слове вообще, но, конечно, имеется в виду прежде всего имя (“слово” и “имя” в основной части его концепции - синонимы)» [11, с. 57]. В этой - основной - части «Философии имени», среди шестидесяти семи значимых для анализа слова моментов, находит себе место рассмотрение такого элемента семантики слова как энергема. Для Лосева несомненно, что слово, которым пользуется живой человек как своим неотъемлемым правом и свойством, само исполнено жизни; так вот энергема, как представляется, и есть своего рода “ДНК смыслового содержания” слова, его информационная матрица. Энергема слова - это именно то, благодаря чему слово есть «... некоторый легкий и невидимый, воздушный организм, наделенный магической силой что-то особенное значить, в какие-то особые глубины проникать и невидимо творить великие события. Эти неведомые и невидимые для непосредственного ощущения организмы летают почти мгновенно; для них (с точки зрения непосредственного восприятия) как бы совсем не существует пространства. Они пробиваются в глубины нашего мозга, производят там небывалые реакции, и уже по одному этому есть что-то магическое в природе слова, даже если брать его со стороны только физической энергема» [5, с. 658-659].

Строго говоря, теоретическое рассмотрение данного фрагмента концепции Лосева должно быть двухчленно. Во-первых, само слово (имя) *есть* энергема вещи. «Имя предмета - арена встречи воспринимающего и воспринимаемого, вернее, познающего и познаваемого... *Тайна слова в том и заключается, что оно орудие общения с предметами и арена интимной и сознательной встречи с их внутренней жизнью*» [Там же, с. 642]. И лишь во вторую очередь - поскольку слово есть энергема вещи (то есть конкретная и исполненная жизни идеация конкретной вещи) - мы можем говорить о том, что в слове вычленима энергема: уже как компонент его семантики. «Сущность, - говорит А. Ф. Лосев, - явлена в имени как энергема имени, как смысловая изваянность выражения» [Там же, с. 654].

Не случайна в этом смысле морфологическая композиция термина, содержащая характерный для лингвистической терминологии формант: греческий суффикс существительных среднего рода “-μα” со значением ‘следствие, результат действия’. То есть, энергема, как компонент семантики слова, есть запечатлённый в слове акт действия энергии вещи. И слово, действительно, *действует*; мы все понимаем, что целительными или губительными, вдохновляющими или вызывающими отвращение бывают не столько слова, рассматриваемые как звуковые комплексы, пробуждающие некие ассоциации, сколько слова как форма, в которой свёрнуты и через которую действуют смысловые энергии сущности вещи; ср. [Там же, с. 740]. В этой связи трудно не вспомнить о древних вербальных табу: ведь мотивирующие их причины возникали в связи с теми или иными убеждениями относительно характера энергии, заключённой в самой вещи и, уже как следствие, в её имени.

Лосев говорит: «Если слово не действительно и имя не реально, не есть фактор самой действительности, наконец, не есть сама социальная (в широчайшем смысле этого понятия) действительность, тогда существует только тьма и безумие и копошатся в этой тьме только такие же темные и безумные, глухонемые чудовища. Однако мир не таков. И вот рассмотреть его как имя я и дерзаю в этой книге» [Там же, с. 617]. Задача «рассмотреть мир как имя» - это очевидно - выводит содержание «Философии имени» далеко за границы лингвистики; однако, с другой стороны, она имеет и самое прямое отношение к лингвистике, поскольку требует детального рассмотрения самого имени, слова. Оно и рассматривается Лосевым детально, причём рассматривается - как «одна из сложнейших вещей в мире» [Там же, с. 641]. Например, фонематическая структура слова, то есть структура словесной оболочки, охватывает пять моментов, и мы их вкратце приведём все, чтобы проиллюстрировать особенности построения анализа. Во-первых, слово есть, прежде всего, издаваемый звук, а не какое-либо иное действие; то есть слово - это некая вещь, состоящая из элементов, действующих на слух. Это - первый момент. Во-вторых, фонема имени есть звук голоса человеческого (не мяукающие, не лай и т.д.). В-третьих, это именно членораздельный, а не какой-нибудь иной звук; это звук, вызываемый целесообразным движением определённых органов тела. Смысл, который, по Лосеву, первичен, как бы «проигрывает» себя на «инструменте тела». В-четвёртых, фонема имени есть совокупность членораздельных звуков. В-пятых, каждое конкретное лицо «вносит свои особенности голосового и артикуляционного порядка, причём мы сразу узнаем, что данное слово произнесено не тем, а вот этим лицом [Там же, с. 631-632]. Важно, что все эти пять моментов слова, равно как и остальные шестьдесят два, расположены на едином связующем их смысловом (в лосевской метафоре - световом) луче и непременно распались бы, если бы не было общего и единого для них источника света-смысла.

Что касается энергемы, она, как и фонема, может быть рассмотрена как совокупность значимых аналитических моментов. Так, физическая энергема слова осмысливает и оформляет самостоятельный физический организм слова [Там же, с. 658]; заметим, что активный залог - «энергема... оформляет» - использован самим Лосевым. Органическую энергему мыслитель уподобляет семени: слово на степени осмысления через органическую энергему есть органическое семя [Там же, с. 660-662]. О сенсуальной энергеме читаем: «Слово, имя, мысль (...) на этой ступени есть животный крик, - крик неизвестно кого и неизвестно о чем. Это - слепота и самозабвение смысла, но уже более зрячее, чем органическая энергема, и здесь задаток иных оформлений смысла, где он более проявит себя в качестве смысла [Там же, с. 664]. Эти три разновидности энергемы располагаются пока на гипо-ономатическом уровне. Ноэтическая (ноэматическая) энергема уже предполагает осмысленную раздельность субъекта и предмета, самосознание; мышление. «Входит ли эта энергема в слово? Не только входит, но в этой энергеме как раз слово впервые обретает самого себя, то обыкновенное, живое и разумное слово, каким мы пользуемся в обыденной жизни. В слове, следовательно, содержится особый (...) ноэматически-энергематический момент, или момент реально-человеческого разумного мышления» [Там же]. Ноэтическая энергема сложна и может быть свита из нескольких своих разновидностей - перцептивной, имагинативной и когитативной - в различных комбинациях. И далее А. Ф. Лосев последовательно приведёт нас к анализу гипер-ноэтической энергемы (гипер-ономатический уровень, где слово уже не нуждается в фонетической оболочке). Ю. С. Степанов комментирует эту лосевскую «лестницу» следующим образом: «Все эти ступени иерархии, как у Платона от Единого, через Ум и Душу, к Космосу, - разные ступени слова, имени. На первой ступени оно - неживая вещь, на второй - органическое начало, растение, затем животное; далее - «умное имя» как сознание человека и, наконец, «сверхумное имя» как само себя сознающее» [11, с. 59].

Стратификация энергем разного уровня - от физического до гипер-ноэтического - суть этапы анализа; само же слово выступает как синтез энергий различных уровней; вспомним, кстати, что и ДНК человека состоит не из одной нити. Сам же Лосев указывает, что как человек сочетает в себе физическое и духовное, так и «человеческое слово есть выражающий носитель всех... энергем одновременно» [5, с. 747]. Поэтому, при условии, что комплексный характер энергематической составляющей слова всегда подразумевается, не будет ошибкой пользоваться термином «энергема» как обобщающим.

Способ определения энергемы слова

А. Ф. Лосев описывает энергему словом же, т.е. даёт ей толкование. Оно опирается на полную лексему; однако из всех моментов преимущественное значение имеет этимный слой, что даёт основание непосредственно связать понятие «энергема» с понятием «внутренняя форма»: внутренняя форма слова - это формальное выражение характера энергемы (NB: Если мы заговорили о внутренней форме, то уместно будет привести контекст, в котором в примечаниях к «Философии имени» упомянут А. А. Потебня и название его работы «Мысль и язык»: «Наша “диалектика человеческого слова” ближе всего подходит к тому конгломерату феноменологических, психологических, логических и лингвистических идей и методов, который характерен для прекрасного исследования А. Потебни...» [6, с. 296]). Здесь важно сделать два уточнения. Во-первых, согласно концепции А. Ф. Лосева, слово (имя) есть сама вещь, состоявшаяся в разуме и - через переживание звуков, форм, значений слова - предьявленная к дальнейшему разумению. Слово «переживание» мыслитель выделяет, чтобы показать, что не наблюдение, не интроспекция, а именно переживание, сопричастное вхождение в жизнь слова, предлагается им как исследовательский метод. Во-вторых, следует учитывать, что одна и та же предметная сущность на разных почвах переживается по-разному, и каждый народ вступает в специфические для него отношения с этой сущностью. «Вот я и понимаю, если я грек, истину как незабываемое и, если я римлянин, - как предмет веры и доверия» [5, с. 754].

Энергемы, свёрнутые в древнегреческом ἀλήθεια (слово с отрицательным префиксом) и латинском *vēritās*, различны: первая равносечно сочетает в себе объективное (качество вечности) и субъективное (свойство человеческой памяти); вторая - сугубо субъективна, психологична. Если мы теперь сравним между собой толкования, которые греческому и латинскому слову дают соответствующие словари, существенных отличий мы не отметим, и тогда скажем: в обеих культурах имелись представления об истине, и эти представления в основном совпадают: истина - это правда, действительность, справедливость, честность и т.д. Истина, стало быть, - универсалия. Однако если мы сравним энергемы этих трёх слов, то мы увидим их существенное различие в плане тех путей, какими направляется разумение. Для древнего грека истина равносечно субъективна (она хранится в памяти) и объективна (она вечна); для римлянина она субъективна и психологична.

О сходстве и различии энергем слов, обозначающих универсальные понятия

А теперь обратимся к лексемам, обозначающим универсальные понятия, выраженные на греческом, латинском и других древних языках. Сравним их внутреннюю форму и увидим сходство или различие их энергем. Следуя традициям А. Ф. Лосева, именно благодаря изучению древних корней, т.е. этимологии, мы можем прояснить внутреннюю форму слов и сделать вывод о характере энергии, заключённой в слове. Среди современных исследований, касающихся классической филологии, достаточно много работ посвящено анализу внутренней структуры и этимологии отдельных слов, обозначающих абстрактные понятия. Опираясь в том числе и на эти исследования, нам хотелось бы суммировать имеющиеся на данный момент сведения и обозначить наиболее наглядные примеры, позволяющие увидеть сходство и существенные отличия в языковом представлении основополагающих понятий социальной, эмоциональной и ментальной сфер в греческом и латинском языках.

Одним из первых хотелось бы рассмотреть языковое выражение понятия «искусство». Греческая лексема τέχνη уже достаточно подробно рассматривается самим А. Ф. Лосевым. Так, в «Истории античной эстетики» она получает следующий комментарий: «Как жизнь есть творчество - не идей, не форм, не чистых выразительных образов, а творчество самой жизни, творчество вещей, тел, предметов, - наконец, просто рождение детей. Недаром самое слово, выражающее у греков понятие искусства, - τέχνη, имеет тот же корень, что и τίκτω - «рождаю», так что «искусство» - по-гречески «порождение», или вещественное создание вещью из самой себя таких же, но уже новых вещей». С другой стороны, возможно, τέχνη имеет индоевропейские соответствия, обладающие семантикой, связанной с плотничьим искусством. Ведь τέχνη можно соотнести с греческой же лексемой τέκτων «плотник», а также литовской *tašyati* «тесать», древнеиндийской *taṣṭati* «плотничает» и *taṣṭar* «плотник», русским глаголом *тесать*. В латинском же языке лексема *texo* с тем же индоевропейским корнем имеет значение «тку, сплетаю, строю». И с тем же корнем можно также отметить латинское существительное *textorium* «ткацкая мастерская», «верфь». Сопоставив выше приведенные факты, Ю. В. Откупщиков предполагает, что значение «сплести, связывать» является промежуточным звеном в семантическом развитии от «тесать» к «ткать». Кроме того, русское выражение «пришить доску» является в определенной мере доказательством наличия некоторой связи между разными областями ремесленной лексики. Аналогичную семантику имеет, возможно, и русское слово *ремесло*, проясняющее свое значение с помощью латышского *remesis* «плотник» [9, с. 165-166].

В свою очередь латинскую лексему *ars* искусство можно отнести к и.-е. корню **ar-*, обозначающему упорядоченность, гармонию. Неслучайно с этим корнем в греческом языке существует лексема ἁρμονία гармония, а также Э. Бенвенист соотносит с ним лат. *ritus* «установление, ритуал», скр. *rtā*, герм. *arta* и говорит о порядке «как гармоничном соответствии всех частей некоего целого» [1, с. 299]. Таким образом, в греческой традиции мы отмечаем материальное происхождение слова, обозначающего искусство. В данном случае оно связано с определенной деятельностью, что соотносится с общеизвестными фактами, что в принципе ремесло и искусство в античности четко не разделялось. В латинской же традиции лексема, обозначающая искусство, связывалось с более абстрактными идеями, а именно упорядочиванием, порядком.

Показательно также сравнение внутренней формы греческой и латинской лексемы, обозначающей понятие причины. Прежде чем перейти к античным представлениям, следует обратиться к представлениям славянским. По поводу славянских представлений следует упомянуть объяснения В. Л. Цымбурского, который говорит, что «славянская причина нечто творит и “учиняет”, устраивает» [15, с. 169-220]. Что касается греческой лексемы αἰτία «причина», то она является родственной «року», «судьбе», так как греческое существительное αἶσα «рок» в свою очередь произошло от глагола αἰτέι, что значит «требует». Кроме того, αἰτία смыкается с идеей «преследующей вины». Подобное понимание вины свойственно и славянам, что подтверждается, например, наличием в русском языке выражения «виновник торжества». В латинском языке *causa* «причина» трактуется как «усматриваемое», «притягивающее внимание», так что и русское «чудо» смыкается с причиной. Ведь лексему *causa* «причина» можно поставить в один ряд с греческой лексемой κύδος «магическая харизма» и славянским «чудом», т.е. «знамением».

Греческое и славянское слова определяют феномены, выпадающие из обычного порядка вещей. Родственными словами характеризуются явления, привлекающие внимание очевидцев и тем самым способные возбуждать определенные людские ожидания. Тем самым и латинская *causa* выражает нацеленность сознания на восприятие жизненного опыта людей, т.е. она усматривается и высматривается. Таким образом, рассмотрев внутреннюю форму слов, можно сделать вывод, что славянская и греческая «причина» - деятельная, активная, воздействующая, а латинская более пассивная, связанная с созерцанием.

Следующим показательным примером является обозначение понятия «цвет» в античности. Следует отметить, что нет общего в обозначениях понятия «цвет» в индоевропейских языках. Видимо, подобные слова формировались независимо в конкретном языке или заимствовались из других языков. Кроме того, выявлено, что идея «цвета» была нераздельно связана с предметом, имеющим цвет. Это относится как к обозначениям отдельных цветов, так и обозначениям цвета вообще [16, с. 5-8]. Для первобытного мышления цвет не отделим от предмета, имеющего окраску. Следовательно, понятие цвета в античности не отделялось от поверхности, кожи, покрова, шерсти, внешнего вида вообще, иногда - цветка, а также мази, грязи и т.д. Латинская лексема *color* «цвет» соотносится с глаголами *celare*, *osculare* «покрывать», которые содержат индоевропейский корень *kel. Греческий глагол *καλύπτω* «скрывать» имеет тот же корень. Греческая лексема *χρῶμα* «цвет» соотносится с глаголом *χρίω* «тереть», который содержит индоевропейский корень *ghreu (*gher*). Этимологически связаны в греческом языке *χρῶς*, *χρόα* и *χρῶμα*, которые обозначают поверхность, кожу, цвет кожи и цвет. Отмечается, что процесс формирования понятия «цвет» в древнегреческом языке происходит на основе выделения цветового качества из более общего значения «поверхности тела» через значения «поверхность, имеющая цвет» и «цвет поверхности». Такая внутренняя форма слова еще раз подтверждает то, что в ранний период развития древнегреческой словесности фактически отсутствовало абстрактное слово, обозначающее цвет.

Интересным является также происхождение отдельных цветов в гомеровском эпосе, так как выявлено, что они связаны с материальным, конкретным носителем окраски, например, серебром, золотом, темно-синей смальтой, пурпуром, вином, красной охрой, кровью, грязью, каким-либо цветком (фиалкой, розой, крокусом, гиацинтом) или просто зеленью [7, с. 250-268]. Ср.: *ἀργύρεος* «серебряный», *χρύσεος* «золотой», *κυάνεος* «синий», *πορφύρεος*, *φοῖνιξ* «пурпурный», *οἴνοψ* «винного цвета», *μυλοπάρρηι* «красный», *φοινός*, *φοινίεις* «крово-красный», *μέλας* «грязно-черный», *ἰοεῖς*, *ἰοδνεφής*, *ιοειδής* «фиалковый», *ῥοδοδάκτυλος* «розовый, цвета розы», *κροκόπεπλος* «цвета крокуса», *ὑάκινθος* «гиацинтовый», *χλωρός* «зеленый». В славянских языках, заметим, «цвет» как абстрактное понятие приравнивается слову «цвет» как синониму слова «цветок». Таким образом, в трех традициях, а именно греческой, латинской и славянской, наблюдается синкретизм цвета с конкретным носителем окраски и фактически изначальное отсутствие слова, обозначающего цвет.

Теперь обратимся к языковому выражению очень важного и значимого для античности понятия «мудрость» в античности. Неоднозначным является понимание этимологии древнегреческой лексемы, обозначающей данное понятие. Существуют разные точки зрения на происхождение этого слова. Греческая лексема *σοφία* «мудрость», по одной из версий, соотносится с индоевропейским сочетанием *soǵhbia «самой себя» [12, с. 125]. По другой версии, *σοφία* «мудрость» связана с глазами, то есть зрением и выводится из индоевропейского корня **dhyahw-*, который присутствует в хеттском *šukui*, лувийском *tawī* «глаз» [17]. Латинская же лексема *sapientia* «мудрость», как и *sapiens*, вероятнее всего связана со вкусом и соотносится с индоевропейским корнем **sap-*, который также присутствует и в слове *sapa* «вкус» [13, с. 125]. Р. Онианс отмечает, что таким образом выражены общеиндоевропейские представления о природной или приобретенной мудрости или разумности как жидкости, содержащейся в груди [8, с. 78]. Таким образом, внутренняя форма лексем, обозначающих понятие «мудрость», выражена совершенно по-разному в древнегреческом и латинском; различны, стало быть, и транслируемые ими энергии. Хотя, если брать за основу вариант этимологии Пухвела, то нечто общее, несомненно, есть, так как в этом случае речь идет о восприятии - зрительном или вкусовом - соответственно в греческой и латинской традиции.

Что касается разбора таких социально значимых понятий, как закон, то следует снова обратиться к этимологии. Так, уже Э. Бенвенистом в греческой традиции выделено противопоставление лексем *θέμις* и *δίκη*. Лексема *θέμις* - правило, установленное свыше, образованное от корня *dhē - «устанавливать». Она используется, когда речь идет о бытии, богах, семейном праве. В свою очередь лексема *δίκη*, образованная от корня **deik-* «указывать», имеет непосредственное отношение к межсемейному праву.

Наряду с этим греческим противопоставлением, в латинской традиции мы обнаруживаем противопоставлением лексем *fas* и *ius*. Лексема *fas* обозначает божественное право, достигнутое по ритуальным правилам, и образовано от глагола *fare* «говорить, извещать», имеющее индоевропейский корень **bhā* «светить». Причем **bhā* описывает речь, независимую от воли говорящего. В свою очередь лексема *ius*, имеющая корень **youis* обозначает состояние регулярности, нормальности, что подтверждается также иранскими и ведийскими соответствиями, а именно авестийским *yaōš* «очищение» и ведийским *yoḥ* «счастье, здоровье». Как отмечает Э. Бенвенист, она обозначает формулу «нормального состояния», которая предписывает то, чему необходимо соответствовать. Кроме того, он же выявил лексические соответствия греческого *δίκη* и латинского *ius*. Таким образом, казалось бы, сходные противопоставления глубинно выражаются по-разному. Если в греческой традиции мы имеем дело с «установлениями» и «указаниями», то в латинской мы сталкиваемся с «предреченными» законами и «регулярными» правилами.

Очень сложными и многообразными, как известно, являются античные представления о душе. Древнегреческая (еще гомеровская) лексема *θυμός* «душа», например, означает «летучее дыхание духа, ...чувствующую и думающую материальную субстанцию» [3, с. 81-117]. Этимологически она близка латинскому *fumus* «дым», древнегерманскому *dūmis*, русскому «дым». Однако в ранней греческой традиции (в частности гомеровской), помимо лексемы *θυμός*, обозначающей «бестелесную» душу, существуют обозначения так называемой «телесной души». Воплощениями «телесной души», например, являются *φρήν* «диафрагма, душа», *πρᾶσις* «грудная преграда», *κῆρ*, *κράδια* «сердце». Следует отметить также более позднее обозначение души и духа из Нового Завета *πνεῦμα ἅγιον* Дух Святой. Лексема *πνεῦμα* является отглагольным существительным и образована от глагола *πνέω* «дышать». В данном случае можно провести аналогию с русскими представлениями: дух - душа - дышать. Латинское *animus* «дух» и *anima* «душа» соотносится с индоевропейским корнем **an-* «дышать», который присутствует в древнеиндийском *atman* или древневерхненемецком *ātum* «дыхание», а также древнеирландском *enaid* «душа», тохарском А и В *āñm* «жизнь, дух». Таким образом, как мы видим, внутренняя форма лексем душа, *animus*, *anima* и *πνεῦμα* совпадает, а представления о вдувании души, о которых писали многие авторы, имеют очень древние и надежные индоевропейские параллели.

Многообразным является лексическое выражение понятия «судьба» в античной традиции. Рассмотрим выборочно несколько лексем. Так, в древнегреческом языке, во-первых, мы сталкиваемся с *εὐτυχία* «букв. счастливый случай», что складывается из перевода отдельных частей этого слова: *εὖ* - «хороший, счастливый» и *τύχη* - «случай», образованное от *τυγχάνω* «случаться». В латинской традиции можно провести параллель с *fortuna* «судьба», которая связана с наречием *forte* «случайно». С другой стороны, *μοῖρα* «судьба, удел» родственна с глаголом *μερίζω* «делить, уделять». Вспомним в связи с этим греческих сестер Мойр, которые отвечают за человеческую судьбу. В латинской традиции с греческой лексемой *μοῖρα* соотносится *sors, sortis* «жребий, удел». Русское слово «рок» как нечто изреченное имеет соответствие в латинском слове *fatum* «судьба, рок». Эта латинская лексема образована от глагола *fare* «говорить» и родственна понятию *fas* «божественное право», о котором говорилось выше. В греческом языке наиболее близко к *fatum* находится *αἴσα*, которая *αἰτεῖ* «требуется», то есть является неумолимой. Существует выражение *αἴσα μοι*, что означает «мне суждено». Кроме того, в древнегреческом языке зафиксировано еще и *σιμφορά* «букв. приносимое (судьбой)», имеющее обычно негативный оттенок. Таким образом, можно сделать вывод, что лексическое выражение понятия «судьба» в рассматриваемых традициях в целом сходно.

Этапы семантической трансформации слова, рассмотренные с точки зрения функционирования его энергемы

Поиск энергемы слова на основе его внутренней формы, как и почти любое изыскание в области истории, может иметь прямое отношение ко дню сегодняшнему. Рассмотрим, к примеру, фрагмент исторической судьбы слова «стерва».

Итак, мы начинаем с того, что устанавливаем характер энергемы этого слова. Макс Фасмер даёт следующий этимологический материал: др.-русс. *стърва* «труп»; цслав. *стървь* «покойник» (как эквивалент гр. *νεκρός* в переводах; форма отмечена И.И. Срезневским); болг. *стърв* «жердь в стогу»; словенск. *ostrv* «сухое дерево для насаживания снопов»; греч. *στερεός* «неподвижный»; лтш. *sterdet* «сохнуть, гнить»; лат. *stercus* «навоз»; авест. *star* «осквернять себя, грешить»; др.-перс. *strav-* «осквернять себя» [14, с. 756-757].

Характер энергемы, как видим, связан, во-первых, с переживанием идеи твёрдости, ригидности, вытянутости, сухости (таким бывает существо или растение, лишённое жизни). Вызываемые в сознании образы весьма узнаваемы: это, например, скелет или мумия, излюбленные персонажи некоторых кинотриллеров, и т.п. Во-вторых, характер энергемы связан с переживанием идеи нечистоты, скверны - всего того, чего люди сторонятся, что предпочитают оставлять за пределами жилого пространства (например, дома). Логично, что данная энергема, на одном из этапов истории слова, предопределяет появление таких, например, форм: *стерва* (*стерво*) - «труп околевшего животного, скота; падаль, мертвечина, дохлятина, палая скотина»; *ныне корова, завтра стерва*. Отсюда название птицы - *стервятник* (см. словарь В. И. Даля).

Рассмотрение этимологии слова как занятие, не чуждое некоторым эвристическим допущениям, позволяет предположить давнее родство (на основе сходства первоначальных непосредственных чувственных представлений) целой группы слов. В неё, помимо самого слова *стерва*, войдут: цслав. *стёрнице* 'дрязг, хворост, плевелы'; рус.: *стержень* (ср.: блг. *стрыжень* 'стержень гнойника'); *стернь* (= *стерня*) 'солома, жнивье'. Также, очевидно, войдут: *страда* 'жатва, тяжёлая работа' (отсюда - *страдать* 'собирать урожай, тяжело трудиться'). К этой же группе слов примыкают: *страх* (очевидно, первоначальное значение - 'ощепенение'), а также *страсть*¹ (< страда) и *страсть*² (< страх); см.: [Там же, с. 771-772]. Академик Ю. С. Степанов, со ссылкой на французского слависта Андре Вайана (Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. Lyon-Paris: IAC, 1950), указывает на родство приведённых слов с и.-е. корнем *ser- и *srā-; к последнему восходят: рус. *срать*, др.-рус. *сърати, *сирати*, в том числе и однокоренные формы с приставками *за-*, *об-* и т.д. [10, с. 895]. «Досадно, конечно, - цитирует Ю. С. Степанов Вайана, - что понятие «страсть» связано с этими словами, но слова возвышенного языка часто имеют весьма вульгарное происхождение» [Там же]. Заметим, что упоминаемые французским исследователем возвышенные значения и коннотации у слова «страсть», очевидно, вторичны и возникают как следствие переосмысления слова в романтическом духе; церковнославянское же слово *страсть*, семантический дублет русского *страсть*, имеет значения 'страдание, мука; жалкое состояние', которые более согласны с энергемой слова. Общим для всего приведённого ряда внешним (фонетическим) признаком является неудобопроизносимое, «трудное» (что само по себе уже значимо для описания энергии слова!) сочетание согласных «с-т-р». Общим внутренним, даже глубинным, - комплекс чувственных представлений, связанных с переживанием реалий «теневого», тёмной стороны жизни.

Перейдём теперь к тому этапу семантической трансформации слова «стерва», который ближе нашему времени. В меру угасания живости восприятия внутренней формы, преобладавший ранее денотативный компонент значения слова уступает место сигнификативному компоненту, и словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой кодифицирует новое (и на этом этапе единственное) значение лексемы - *стервец*, м.р., *стерва*, ж.р.: 'негодяй(ка), подлый человек'. Степень абстракции, допускаемая преобладающим сигнификативным компонентом, позволяет дальнейшую трансформацию значения в речи. И вот мы видим, как в текстах современных произведений, относящихся к «лёгким» жанрам, по воле их авторов, у слова начинает появляться позитивная эмоциональная окраска: «Распаковав сумки, я разложила покупки по шкафам, дав себе слово в новой жизни и в новой квартире никогда не бросать неразобранные пакеты, не оставлять на потом наведение порядка, словом, жить жизнью аккуратной рыжей стервы» [2, с. 151].

Вот ещё цитата, из томика с названием «Настольная книга стервы»: «...я стала стервой. Я давно не в толпе, я - над нею. Выбирают не меня - выбираю я. Подчиняют... не меня - подчиняю я. Мне стало вкусно жить... Стерва... не аферистка, не скандалистка, не дешевка с нечесаными волосами, которая орет на мужа и лупит детей и собирает сплетни на соседей и коллег. Она женщина особой пробы, высшей пробы. Она не как другие, ее придется поискать» [4, с. 5-7]. Намерение автора, как это видно из текста, состоит в придании слову «стерва» нового значения, и, казалось бы, эта творческая задача достигается с рациональной последовательностью. Однако, если мы взглянем в контекст, то обнаружим в нём своего рода «вербальные маркеры» воздействия на него рассмотренной нами энергемы: они - в специфике выбора слов (позволим себе их подчеркнуть). «Если мужчина признался, что боится женщину-стерву, - он не лукавит!.. Ибо никакой тип женщины не возбуждает..., не ввергает в пучину страстей так, как стерва. Она же... - грешница..., она же - гроза непохожих на нее женщин...» [Там же, с. 3]. В том же тексте находим эпитеты: «женщина-вамп; (светская) львица; хищница; фатальная бестия (< лат. *bestia* 'животное, зверь; *бран.*: тварь, скотина)» [Там же]. Мы видим: слово в речи, стремящееся к независимости от кодифицированных значений, оказывается не в силах одолеть заложенную в слове специфичную энергию и плен внутренней формы. Тайну «неблагородного происхождения» слова со всей очевидностью выдаёт контекст. То есть, происходит именно то, к чему можно отнести слова, сказанные А. Ф. Лосевым в «Философии имени»: «Слово и имя вещи есть как бы самостоятельный организм, который, будучи порожден и изведен вещью из себя самой, упорно и настойчиво, эластично и энергично, остро и сильно, наподобие невидимого заряда, распространяется по широкому полю инобытия, незаметно носится среди вещей, осеменяя и оплодотворяя собою все существующее по законам данной вещи». К этой цитате нам остаётся дать лишь один, последний, комментарий: согласно понятийно-терминологической парадигме трактата, из которого цитата извлечена, слово «инобытие» следует понимать как синоним слова «сознание».

Список литературы

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / пер с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М., 1995.
2. Вильмонт Е. Фиг с ним, с мавром!: повести. М.: АСТ: Астрель, 2007.
3. Иванов В. В. Структура гомеровских текстов, описывающих психические состояния // Структура текста. М., 1980.
4. Кронна С. Настольная книга стервы. Ростов н/Д: Феникс, 2003.
5. Лосев А. Ф. Философия имени // Бытие-имя-космос / сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993.
6. Лосев А. Ф. Философия имени. М.: Академический Проект, 2009.
7. Малинаускене Н. К. Этимология древнегреческого обозначения понятия «цвет» // ΣΤΕΦΑΝΟΣ: сборник научных трудов. М., 2005.
8. Онианс Р. На коленях богов: истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе. М., 1999.
9. Откупщиков Ю. В. К истокам слова: рассказы о науке этимологии. СПб., 2005.
10. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004.
11. Степанов Ю. С. В трёхмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / отв. ред. В. П. Нерознак. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
12. Топоров В. Н. Еще раз о древнегреческом ΣΟΦΙΑ: происхождение слова и его внутренний смысл // Структура слова. М., 1980.
13. Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994.
14. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 3.
15. Цымбурский В. Л. Латинский трилистник. СПб., 2008.
16. Шердль В. И. Названия цветов и символическое значение их // Филологические записки. Воронеж, 1884.
17. Puhvel J. Fight and thought in early indoeuropean // Analecta indoeuropea. Innsbruck, 1981.

УДК 81'373.46

Расима Равиловна Шамсутдинова
Казанский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОТТЕНКИ СОСТАВНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ©

Медицинская терминология является важным разделом терминосистемы языка, что обусловлено, конечно, в первую очередь местом и ролью в жизни и деятельности человека самой медицины и медицинских знаний.

В татарском языке большую часть медицинских терминов составляют устойчивые словосочетания разных типов. Именно за счет терминологических словосочетаний происходит обогащение языка новыми терминами.

Устойчивое словосочетание основано на конкретизации абстрактного предмета мысли путем конкретизирующего сопоставления его с каким-либо признаком, характеризующим его свойство, действие или состояние, отношение его к другим предметам. Оно обладает выраженной семантической цельностью. Каждое из слов, образующих словосочетание обуславливает или как бы составляет основное номинативное значение данного словосочетания, которое выражает предмет, явление, состояние или процесс, связанное в нашем случае с понятиями медицины. Составные термины-словосочетания позволяют отразить не только категориальные, но и специфические, т.е. частные, видовые, позволяющие полнее раскрыть содержание понятия. Количество таких признаков может быть теоретически неограниченным, так как предмет, понятие, явление могут быть охарактеризованы с самых разных сторон. Каждое из слов, образующих словосочетание терминологического характера обуславливает основное номинативное значение данного словосочетания, которое выражает предмет, явление, состояние или процесс, связанные с понятиями медицины. Например: *баш айлану*, где баш (*голова*), айлану (*кружиться, кружение*), а все вместе обобщенное название симптома болезни; то же самое и с другим сочетанием слов *үпкә кабару*, где үпкә (*легкие*), кабару (*вздутие, воспаление*), а все вместе название болезни. В этих примерах компоненты словосочетаний вполне самостоятельные по своей семантике и употреблению слова. Тем не менее словосочетание в целом означает одно понятие.

Количество определяющих компонентов может быть по-разному. В зависимости от количества этих элементов терминосочетания можно разделить на простые и сложные.

Простые терминосочетания состоят из минимального количества слов, как правило, из двух: *тасма суалчан* (*глист ленточный*), *йогышлы авыру* (*инфекционная болезнь*), *ябык сыну* (*закрытый перелом*).